

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ И СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЯХ

Статья посвящена проблеме понимания категории посессивности и смежных понятий. Несмотря на интерес лингвистов к проблемам репрезентации посессивности в разных языках, некоторые вопросы, как, например, определение границ и внутренний состав категории, остаются открытыми. Ввиду сложности и неоднозначности категории, существуют различные точки зрения на определение оппозиций в рамках посессивных отношений в зависимости от семантики имени посессора и объекта обладания.

Ключевые слова: категория посессивности, отношения принадлежности, отчуждаемая – неотчуждаемая принадлежность, посессор.

Категория посессивности (от латинского *possessivus* – обозначающий принадлежность, притяжательный) является языковой универсалией, составляющей основу языковой картины мира любого этноса и занимающей одну из ключевых ролей в грамматической системе языка. Данная категория представляет собой обширную семантическую область, объединяющую разнообразные виды отношений притяжательности, обладания, собственности.

Понятие обладания является философской категорией. В Философском словаре данный термин трактуется следующим образом: «Обладать чем-то значит иметь это в своем фактическом распоряжении, пользоваться этим. Обладание есть факт, что и отличает его от собственности, т. е. права». Еще Аристотель выделял обладание как одну из важнейших категорий бытия (субстанция, количество, качество, отношение, пространство, время, обладание, действие, претерпевание), которая получила языковое выражение еще в древних языках.

В Большом энциклопедическом словаре В. Н. Ярцевой (1990) «посессивность» толкуется как «одна из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету» [1] (относительная номинация), например, «книга Петра», «сын Николая», «любитель чтения», «хвост осла».

Проблеме определения границ и внутреннего состава категории посессивности посвящено значительное количество работ, однако ввиду сложности и неоднозначности категории, некоторые аспекты продолжают вызывать споры. Так, посессивность можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. С одной стороны, понятие посессивности ограничивается понятием обладания,

собственности. С другой стороны, в лингвистических исследованиях существует и более широкое определение, согласно которому посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая отношение части и целого [1; 2].

Отчасти расхождение во взглядах на понимание категории посессивности связано с неразграничением смыслов «владеть», «иметь при себе» и грамматической посессивности, а также в целом со сложностью определения лингвистически релевантной посессивности. Основываясь на дословном толковании терминов «*посессивный*», «*посессор*» (лат. *possidere* – владеть, обладать), идее собственности и материального обладания придается слишком большой вес. Таким образом, исключается ряд других возможных интерпретаций и ограничивается рассмотрение всей категории ввиду антропологичности: отношения обладания имеют смысл только по отношению к посессору-человеку.

Однако бесконечное множество существующих в объективной действительности всевозможных явлений, способных быть объектами притяжательности, обуславливает многообразие посессивных оттенков. А. В. Головачева выделяет 3 типа посессоров – одушевленный, предметный и абстрактный, а также приводит семантическую классификацию имен объекта обладания, что значительно расширяет границы понятия категории посессивности [3].

Мы придерживаемся довольно широкого понимания категории посессивности. О. Н. Селиверстов аргументирует данную тенденцию следующим образом [3, с. 19–20]:

1. В разных языках «используется одно формальное средство для обозначения и отношения собственности, отношения части к целому, а также отношения продукта труда к его производителю и т. д., что не может быть случайным» [Там же]. Данный факт свидетельствует о семантической близости упомянутых отношений.

2. Большая часть отношений, описываемых «посессивными» языковыми единицами, не связаны между собой семантической производностью. Следовательно, в этом случае речь не идет о «цепочечной» многозначности. При сопоставлении средств выражения посессивности в разных языках обнаруживается, что набор отношений, описываемых посредством данных единиц, разнообразен и, в то же время, достаточно устойчив.

3. «Все частные отношения посессивности могут быть сведены к одному общему отношению: распространение одного объекта (посессора) на другой или на некоторое множество других (обладаемые)» [1].

О. Н. Селиверстова разграничивает три основных типа отношений «распространения»:

1. «Посессор X распространяет свое «силовое» поле на обладаемое Y, т. е. Y находится под властью X (физической, юридической, моральной).

2. X распространен на Y физически или функционально, т. е. Y является частью X-а или частью его существования (жизнедеятельности, функционирования).

3. Y несет в себе элемент посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору – *его враг, его друг*)» [4, с. 20–21].

Автор отмечает, что описанные типы отношений могут перекрещиваться, а отсутствие четких критериев усложняет выделение данных отношений.

Неоднородность категории обусловила развитие различных точек зрения на ее содержание. В зависимости от семантики имени посессора и таких его признаков как, например, одушевленность / неодушевленность, личность / неличность, конкретность / абстрактность, отношения посессивности могут рассматриваться по-разному. Так, в лингвистических исследованиях выделяются следующие оппозиции: внутренняя и внешняя посессивность (Ж. Альварес, Б. Потье), временная и постоянная посессивность (В. П. Липеровский, С. Н. Цейтлин), актуальная и виртуальная принадлежность (Г. Гийом), абсолютная и относительная принадлежность (Н. Ф. Бутинов, Ю. М. Лихтенберг, Дж. Линч). В отечественной лингвистике анализ посессивных отношений проводится на основании степени неотторжимости объекта от посессора (А. В. Головачева, Вяч. Вс. Иванов, А. В. Бондарко). Данный критерий является главным в определении противопоставленности *неотторжимая – отчуждаемая* принадлежность.

Отношения неотчуждаемости для определенного лица понимаются как обязательные или в высшей степени вероятны [5, с. 45]. Выделяются следующие типы денотативных отношений:

1) Отношение между человеком и частями его тела и внутренними органами, которые можно назвать отношениями «часть – целое» лишь условно, т. к. посессивные отношения между одушевленным посессором и его частями тела следует скорее рассматривать как отношения неотчуждаемой принадлежности по функции.

2) «Отношение между человеком и ближайшими к нему абстрактными сущностями, «расположенными внутри» тела (душой, разумом, сознанием, совестью, памятью); «психическими константами»» [1] (чувствами, мыслями, настроением, убеждениями); константами, которые относятся к деятельности частей тела и внутренних органов (голосом, зрением, здоровьем); связанными с интеллектуальной деятельностью (речью, почерком); физическими константами (размерами, весом, внешним видом); временными константами (старостью, прошлым, будущим, возрастом); социальными константами (именем, происхождением) и некоторыми другими.

3) Отношение лица к ближайшим предметам его личной сферы (например, одежда) может трактоваться как неотчуждаемая принадлежность по функции. Также это отношение рассматривается как «продолжение» тела и такой тип отношения реализуется в динамике (*схватить кого-либо за руку – за рукав*).

4) Родственные и некоторые другие отношения лица – «обладателя» к лицу – «обладаемому». Сочетания *его отец, брат, сосед, друг* обозначают некоторое лицо-обладаемое через его отношение к лицу-обладателю. Такие имена редко употребляются вне соотнесения с обладателем и обозначают статус (например, *она стала матерью*).

В рамках неотчуждаемой принадлежности А. В. Головачева выделяет абсолютную и относительную неотчуждаемость. К абсолютно неотчуждаемым объектам одушевленного посессора относятся части тела, абстрактные сущности, перечисленные в пункте 2, некоторые предметы личного обихода вне их конкретного воплощения. Под относительно неотчуждаемыми объектами понимаются отрастающие части тела (усы, борода и т.п.), лица, состоящие в каких-либо отношениях с посессором, а также предметы личного обихода в более узком понимании.

Отчуждаемые объекты обладания представляют собой такие предметные, одушевленные и абстрактные сущности, которые, в противовес неотчуждаемым объектам, не рассматриваются как обязательные или весьма вероятные для человека вообще. Данные объекты оцениваются как возможные объекты обладания [5, с. 61]. К отчуждаемым объектам, исполняющим роль объектов обладания, относятся:

1) Предметы, связанные с посессором функционально. Конструкции данного типа отражают временную принадлежность по функции (мы стояли у *ее вагона* – ‘вагон, в котором она уезжала’).

2) Лица, названные по своей профессии, национальной принадлежности, имени и т.п., не имеющие релятивных сем (*наш шофер* – ‘шофер, который у нас работает’).

3) Абстрактные сущности, функциональная связь с которыми может быть определена только из предтекста, а также имена действий, пациенсом которых является сам посессор (*я приблизился к месту моего назначения*).

Структуры посессивных отношений неодушевленного посессора отражают структуру отношения одушевленного посессора, при этом наблюдаются специфические черты, связанные с некоторыми особенностями предметных и абстрактных сущностей, которые осознаются языковым менталитетом [5, с. 66].

В качестве неотчуждаемых объектов неодушевленного посессора могут выступать:

1) Его части, количество которых может быть практически безграничным, в отличие от одушевленного посессора, включающим лишь несколько относительно неотчуждаемых частей. Стоит отметить, что отношения принадлежности охватывают не все части предмета, а только наиболее существенные, связанные с ним функционально (*Мы стояли у вагона. Зеленые его стены источали тепло*).

2) Некоторые абстрактные сущности, которые характеризуют предмет в зависимости от его физических свойств (внешний вид, цвет, размер, вес).

3) Отношение посессора-предмета к лицу, которое обозначается именем деятеля и отражает характер отношения, характер функции одушевленно «объекта обладания» по отношению к неодушевленному посессору (*книга – ее автор, ее читатели*). Данные отношения определяются как «обладание обладателем» и характеризуются обратимостью или взаимной принадлежностью: *его (дома) жители – их (жителей) дом*.

Отчуждаемыми для неодушевленного посессора выступают признаки (*красивая ткань – ее красота*), а также действия, по отношению к которым определенный предмет может являться агенсом или пациенсом (*солнце зашло – его (солнца) заход*).

В качестве абстрактного посессора выступают разного рода абстрактные сущности: действия человека, его состояния, результаты умственной деятельности, явления природы, свойства предметов и т.п.

Объекты обладания абстрактного посессора также могут быть неотчуждаемыми и отторжимыми [5, с. 69]. К неотчуждаемым объектам обладания относятся:

1) ««Части» целого и различные «физические» константы (*строение макромира – его строение*), характеризующие посессора как некое пространство, имеющее начало и конец, середину и ось, границы, размеры, вид, образ» [1] и т.п.

Тот факт, что абстрактный посессор имеет «такие объекты обладания, свидетельствует о том, что языковым менталитетом структура абстрактной сущности может осознаваться аналогично структуре физического тела» [Там же].

2) Константы, которые характеризуют абстрактный посессор как нечто нематериальное, например, такие характеристики, как смысл, значение, ценность, роль, причины и следствия (*счастье – его смысл*).

К отчуждаемым объектам принято относить:

1) Признак абстрактного посессора: *предложение – его благоразумие*.

2) Связь с внешним миром: *занятие – его связь с основным курсом*.

3) Действие, в котором посессор может быть агенсом или пациенсом (*намерение – его исполнение*).

4) Лицо, функционально связанное посессором-событием или другим абстрактным посессором: автор, виновник, свидетель, участник (*несчастье – считать себя его виновником*).

Все вышеперечисленные типы объектов обладания одушевленного, неодушевленного и абстрактного посессоров можно также условно разделить на группы по характеру посессивной связи: отношения часть – целое, отношения собственности, родства, отношение к признаку, принадлежности по функции. При этом принято рассматривать отношения собственности, родства, части и целого в качестве прототипических значений категории, а остальные случаи – как метафору. Прототипическое значение наименее подвержено изменениям и реализуется наиболее регулярно. В то время как метафорические значения являются модификацией центрального значения и, как следствие, имеют некоторые ограничения в сочетаемости.

В лингвистике понятие посессивности традиционно связывают с категориями бытийности (экзистенциальности) и локативности. Понимание степени взаимосвязи этих категорий разнится в отечественной и зарубежной лингвистике. Соотношение пространственного, экзистенциального и посессивного значений «представляется уже априори языковой универсалией, поскольку обладание чем-то предполагает существование этого чего-то, а существование немислимо без пространственной реализации» [5, с. 218].

Западные исследователи (Дж. Лайонз, Дж. Кларк) отмечают, что посессивные и экзистенциальные конструкции имеют один источник – локатив. Так, в конструкциях типа *Tom has a book* ‘у Тома есть книга’ и *The book is Tom’s* ‘книга Тома’, посессор характеризуется как одушевленное пространство, а объекты обладания находятся в этом пространстве так же, как в локативных и экзистенциальных предложениях [6, с. 414].

О. Н. Селиверстова также придерживается пространственного подхода к посессивным предложениям. Однако, в отличие от концепции западных исследователей, упомянутой выше, автор не считает посессора локативным членом. В посессивных моделях «у X есть Y» и «X имеет Y» сообщается о «нахождении Y-ка в том или ином пространстве, которое связано с X тем или иным отношением, но не тождественно ему». При этом понятие *пространство* употребляется в широком смысле и «относится не только к физическому пространству, но и к пространству множества, пространству ситуации, пространству функциональной системы типа «завод» «институт» и т.д.» [4, с. 7].

Н. Д. Арутюнова проводит анализ бытийных предложений и их связи с предложениями локализации и обладания. Так, бытийные предложения,

в зависимости от того, эксплицирован в них локализатор или нет, делятся на неполные и полные, например: *Леших не существует* и *В этой стране есть исполинские змеи* [7, с. 18]. В предложениях первого типа реализуется признак существования, а в предложениях второго типа содержится характеристика не мира, а некоторой его области. Локализатор во втором случае служит исходной точкой. Ко второму типу относятся и предложения со значением обладания, например, *У меня есть сад*.

Н. Д. Арутюнова обращает внимание на то, что в русском языке распространен бытийный способ построения предложения, что позволяет относить русский язык к языкам-«быть», и противопоставляет его языкам-«иметь» (английский, немецкий, французский) [7, с. 257]. Сравним предложения со значением обладания в разноструктурных языках: *Mark hat ein Buch.* – *У Марка есть книга.* В немецком языке значение обладания передается посессивной моделью, а в русском заменено бытийной.

Таким образом, можно заключить, что в любом естественном языке различные синтаксические конструкции образуют относительно непрерывное пространство, сближаясь друг с другом и в то же время противопоставляясь друг другу по ряду синтаксических и семантических свойств. Данное наблюдение объясняет неоднородность категории посессивности, а также сложность определения ее понятия и границ.

Мы придерживаемся широкого понимания категории и не ограничиваемся исключительно рассмотрением отношений собственности и материального обладания. Ввиду антропологичности, отношения принадлежности по отношению к посессору-человеку лежат в основе категории. Однако в качестве посессора могут выступать также предмет и абстрактные понятия, что значительно расширяет границы категории и обуславливает многообразие посессивных оттенков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швец, С. Н. Реализация категории посессивность в немецком языке : на материале устного и письменного дискурса : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. Н. Швец; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2017. – 198 л.
2. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 230 с.
3. Головачева, А. В. Семантическая категория обладания в структуре высказывания и текста (на материале славянских языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / А. В. Головачева; Ин-т славяноведения и балканистики Рос. акад. наук. – Москва, 1994. – 30 с.
4. Селиверстова, О. Н. Контрастивная и синтаксическая семантика. (Опыт описания) / О. Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1990. – 150 с.
5. Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР / отв. ред. И. И. Иванов. – М.: Наука, 1989. – 262 с.
6. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 540 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. – М.: Едиторал УРСС, 2003. – 384 с.

The article is devoted to the problem of understanding the category of possessiveness and related concepts. Despite the interest of linguists in the problems of representation of possessiveness in different languages, some questions, such as the determination of boundaries and the internal composition of a category, remain open. Due to the complexity and ambiguity of the category, there are different points of view on the definition of oppositions within possessive relations, depending on the semantics of the possessor's name and the object of possession.

Keywords: category of possessiveness, possessive relations, alienable – inalienable possessiveness, possessor.